

Научная статья

УДК 81'33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.14407>

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭВФЕМИИ

С.А. Логвина¹ , О.С. Зубкова²

¹ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым;

² Курский государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация

 svet.logvina@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основы современного психолингвистического подхода к исследованию эвфемии, психолингвистические параметры которой изучаются с точки зрения лежащих в их основе когнитивных механизмов, а также через призму предикационной концепции. Авторами предлагается трехаспектная концепция исследования эвфемии, согласно которой эвфемия рассматривается как физиологическая эмоциональная реакция на внешние раздражители; как аффективно-когнитивное явление; и совокупность речеповеденческих особенностей. В статье обосновывается возможность выделить каждую отдельную стадию эвфемии, что позволяет говорить о ней как о динамической деятельности, с присущими ей темпоральными и процессуальными характеристиками. Предлагается описание алгоритма рекурсивной функции эвфемии и анализ лингвистических средств реализации эвфемистического дискурса на материале фрагмента видео-интервью. Психолингвистические аспекты изучения эвфемии позволяют рассматривать ее как живой и многомерный феномен, включающий в себя вербальные, невербальные, образные, силенциальные и фонические компоненты, выступающие маркерами эвфемии в устной речи и создающие условия для ее реализации ее приоритетности в акте коммуникации. Выбор способа реализации эвфемии осуществляется в рамках коммуникативного синергизма, в условиях которого говорящий учитывает все компоненты, факторы и характеристики, обеспечивающие «улучшение» исходной информации.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемистический дискурс, трехаспектная концепция исследования эвфемии, психолингвистические параметры эвфемии, эвфемизм.

Для цитирования: Логвина С.А., Зубкова О.С. Психолингвистические аспекты изучения эвфемии // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 4. С. 95–108. DOI: 10.18721/JHSS.14407

PSYCHOLINGUISTIC ASPECT OF EUPHEMY STUDY

S.A. Logvina¹ , O.S. Zubkova²

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Republic of Crimea;

² Kursk State University, Kursk, Russian Federation

 svet.logvina@mail.ru

Abstract. The article considers the foundations of the current psycholinguistic approach to the study of euphemy. Its psycholinguistic parameters are studied from the perspective of basic cognitive mechanisms and through the prism of the predicative conception. The authors suggest the three-component conception of the study of euphemy. According to it, euphemy is viewed as a physiological emotional reaction to external stimuli; as an affective-cognitive phenomenon; and as a complex of speech-behavioral peculiarities. The article substantiates the possibility to single out each separate stage of euphemy, which allows characterizing it as a dynamic activity with inherent temporal and processual attributes. The authors suggest the description of the recursive function algorithm of euphemy as well as the analysis of the linguistic means of realizing euphemistic discourse based on the material of the video-interview fragment.

Keywords: euphemy, euphemistic discourse, three-aspect concept of euphemy research, psycholinguistic parameters of euphemy, euphemism.

Citation: Logvina S.A., Zubkova O.S., Psycholinguistic aspect of euphemy study, *Terra Linguistica*, 14 (4) (2023) 95–108. DOI: 10.18721/JHSS.14407

Введение

Современный этап развития науки уже несколько десятилетий немислим без мультидисциплинарной интеграции, позволяющей эффективно объединять разновекторные направления исследования и создавать общую методологическую основу для исследования различных языковых явлений. Изучение явления эвфемии с позиций психолингвистики также предполагает обращение к результатам междисциплинарных исследований, которые должны отвечать следующим методологическим требованиям: «управление» речевым поведением и социальными переменными, а также подтвержденными практикой фактическими данными.

Привлечение к изучению языкового сознания подходов и методов психологии способствовало более глубокому пониманию как физических, так и скрытых отношений между переменными, участвующими в реализации эвфемии. Особенности коммуникативного поведения человека, неотъемлемой частью которого является эвфемия, в современной науке изучаются при участии таких дисциплин как когнитология, нейрофизиология, нейробиология и даже генетика. С их помощью создаются принципиально новые подходы и методы анализа, позволяющие объяснить как генезис, так и особенности обработки данных, определения интенций и характера функциональных отношений, существующих между переменными-посредниками, составляющими основу речевого поведения.

Предметом анализа при изучении эвфемии становятся не только лингвистические способы ее формирования и структурирования, идет активное изучение реализации эвфемии на уровне лингвистики текста. Авторы статьи акцентируют внимание на продуктивной акцентуации при реализации психолингвистического подхода сочетаний всех возможных стимулов в процессе возникновения и вербальной экспликации эвфемии, контроле поведенческих параметров (фонических, кинетических, мимических и проч.), при которых происходит ее реализация вовне,

а также экстралингвистических условиях, способствующих ее возникновению (стресс, страх, ирония и т.п.).

Методология исследования

Основы современного психолингвистического подхода к исследованию эвфемии были заложены в трудах отечественных ученых-психолингвистов, разрабатывавших теорию речевой деятельности: А.А. Леонтьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперина, В.П. Зинченко, Н.И. Жинкина, М.М. Бахтина, А.А. Залевской и т.д. Их усилия были сосредоточены на попытках определить сущность понятий «язык», «смысл» и «сознание».

В русле психолингвистики эвфемизм рассматривается как «средство манипулирования» [1], определяющее поведение собеседника; «средство непрямого речевого убеждения»¹, с помощью которого говорящий транслирует свою оценку происходящего; «способ преодоления табу в языке» [2] как механизм психологической защиты; «цензурный запрет и боязнь грубых слов» [3]. Эвфемия рассматривается как динамический процесс, целью которого является такое изменение информации о действительности, которое обеспечивало бы коммуникативное сотрудничество. Психолингвистические параметры эвфемии изучаются с точки зрения когнитивных механизмов, лежащих в их основе, через призму предикационной концепции (через функции свернутых предикатов), анализируется дискурсивная принадлежность и манипулятивный потенциал эвфемии. Этот вектор исследований представлен в работах Ю.В. Алексиковой, Л.В. Порохницкой, М.Л. Ковшовой, Т.Н. Косаревой.

Так, Л.В. Порохницкая характеризует эвфемиию как «один из важнейших сегментов концептуальной и языковой картин мира, языковые реализации которого (эвфемизмы-лексемы и эвфемизмы-устойчивые сочетания) моделируются при помощи базовых и частных концептуальных метафор»². Исследуя это явление, она уделяет значительное внимание метафоре как когнитивному механизму формирования значения, который реализуется путем сдвига «фокуса внимания» с «табуированной сущности референта на любой другой признак референциального уровня микрофрейма значения» [4]. Учёный приходит к выводу о том, что в основе большинства эвфемистических преобразований, вне зависимости от их стилистической принадлежности и контекста, лежат метафорические концепты, система которых носит универсальный характер и определяет фокусировку образов в зависимости от сферы, в которой происходит эвфемизация и прагматической установки говорящего. Фокусировка одного и того же метафорического концепта может меняться в зависимости от табуированной области и интенции говорящего.

Заметим, что с точки зрения психолингвистики метафора способствует «построению в сознании (подсознании) человека разнообразных сценариев смыслового поля – специфически окрашенных субъективных определений» [5]. Теория значения, как в отношении метафоры, так и, соответственно, в отношении эвфемии, «признает изначальную динамичность того, что у носителя языка увязывается с формой некоторой вербальной единицы, обеспечивая переживание такой единицы как знакомой, понятной при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербального и не поддающегося вербализации, при свойственном человеку акцентировании внимания на тех или иных признаках» [там же]. Определение метафоры как базового механизма эвфемии позволяет рассматривать последнюю как разновидность тропеического мышления (термин О.С. Зубковой), базирующегося на употреблении слов в переносном значении, которое определяется индивидуальным характером говорящего и особенностями его взаимодействия с окружающим миром (т.е. его внутренним лексиконом), вызывающими «реф-

¹ Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2010а. 23 с.

² Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, французского, испанского и итальянского языков): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 420 с.

лексию, прежде всего реактивирующую опыт, хранящийся в виде предметных представлений (что и закладывает основы образности, ведущей к семантической транспозиции)» [6].

Заслуживает внимания вывод Н.Ф. Крюковой о наличии определенного родства между метафорой и рефлексией, объясняемое тем, что «метафора пробуждает рефлексия, потому что сама фактически является одной из её опредмеченных организованностей» [там же]. При «ведущей образности метафора даёт две свои достаточно чётко выраженные разновидности: аналогию, связанную с повышенной эксплицитностью, и символ, синтезирующий непосредственность и бесконечную многозначность образа с логической силой и необходимыми импликациями понятий» [там же], что составляет «девиантность самой метафоры и определяет ее многозначность» [7]. Признание метафорической природы эвфемии дает основание говорить о ней как об упрощенной «версии единого метафорического прототипа» [6].

Т.Н. Косарева рассматривает явление эвфемии с точки зрения предикационной концепции, характеризуя его как «экономную и эффективную оптимизацию поверхностной структуры языкового знака, используемого в повторяющихся типичных ситуациях»³. Предикацию автор определяет как «поток преобразований языковых и до/пост языковых структур, которые находятся под влиянием риторического аспекта повествования» [там же]. Учёный отмечает, что при использовании эвфемии говорящий стремится достичь «сверх-корректных, сверх-тактичных способов языкового выражения», что побуждает его развернуть предикативную цепочку, которая «находится под влиянием различных факторов в реальной языковой деятельности и обусловлена внутренней, подсознательной готовностью личности к определенным мыслительным и физическим действиям» [там же]. Существует связь между особенностями развертывания предикационной цепи и индивидуальной картиной мира говорящего. В более широком смысле предикативность включает в себя широкий спектр предикаций, которые выражаются не только вербально, но и невербально, что позволяет учитывать при анализе эвфемии физиологический аспект эмоциональной реакции участников коммуникации.

Благодаря разнообразию средств выражения эвфемия может предоставить исследователям богатый материал психолингвистических характеристик предикативной деятельности человека.

Однако представленные выше исследования эвфемии в рамках психолингвистики свидетельствуют о том, что ученым еще предстоит задача составить целостное представление о ее проблематике в данной плоскости.

Результаты исследования

В данном исследовании предлагается авторская концепция, согласно которой анализ эвфемии может проводиться в трех аспектах. **Первый аспект** предполагает подход к рассмотрению эвфемии как *физиологической эмоциональной реакции на внешние раздражители*. Особое внимание при этом уделяется особенностям эмоциональной реакции субъекта на свои переживания, вызванные различными негативными эмоциями; на переживания собеседника; а также мотивам, например, стремлению к коммуникативному преимуществу. Классификация данных мотивов затруднена ввиду чрезвычайного многообразия форм поведения, не все из которых поддаются четкому определению и классификации. Однако при всем многообразии психических, психологических, морально-этических и проч. мотивов необходимо признать, что в каждой конкретной ситуации коммуникации «все эти мотивы реализуются одновременно, и можно говорить лишь о ведущей роли одного из них» [8].

Модели порождения устной речи с позиций психолингвистики рассматривались в работах Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, Т.В. Ахутиной, А.Р. Лурия и др. Психолингвистика рассматривает эвфемии как своего рода эмоциональный отклик, что вполне согласуется с положением о ведущей роли мотива как самостоятельной стадии порождения речи в целом, и эвфемии,

³ Косарева Т.Н. Комплексная характеристика лексико-грамматических средств в американской лингвориторике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 179 с.

в частности. Рассматривая эвфемию как психоэмоциональную установку, которая проявляет себя как реакция на некое воздействие извне, мы видим, что она дает толчок для смены состояния — от неудовлетворительного к приемлемому или удовлетворительному. С этой точки зрения эвфемию можно считать разновидностью аффективной реакции, обусловленную психофизиологическими особенностями организма человека. Несмотря на отсутствие серьёзных научных работ, в которых бы рассматривались вопросы демонстрации вегетативных реакций в контексте реализации эвфемии, можно предположить наличие нейрохимических изменений у каждой из сторон, участвующей в общении, в зависимости от успешной или неуспешной ее реализации.

Наши предположения базируются на результатах исследований, в которых констатируется, что изучение нейрофизиологических механизмов эвфемии филологической наукой еще не получило широкого распространения, однако определенный интерес представляют данные исследования зеркальных нейронов [9], предлагающие объяснение нейрофизиологического механизма вербального и невербального социального взаимодействия [10, 11]. Учеными делается предположение о том, что работу «социальных когнитивных функций, которые включают получение информации, ее интерпретацию и формирование ответа на намерения, мнения и поведение других людей [12] обеспечивают именно зеркальные нейроны. Была также замечена более высокая степень активности зеркальных клеток по отношению к стимулам, имеющим «социальный контекст», т.е. с участием одушевленных объектов [там же]. В целом можно сделать вывод, что данные зеркальные системы обеспечивают физиологический уровень реализации эвфемии как эмоциональной установки, которая участвует в повседневной деятельности индивида, а также организует его социальные связи.

Второй аспект связан с подходом к эвфемии как к *аффективно-когнитивному явлению*, которое соотносится с отображением внутреннего мира другого человека, что подразумевает способность познавать личностные смыслы другого человека, смотреть на мир его глазами, принимать его взгляды и соотносить их со своими. В данной работе мы выделяем четыре фазы когнитивных процедур, сопровождающих процесс реализации эвфемии: 1) идентификация (отождествление себя с другим); 2) инкорпорация (включение в себя опыта, установок, мотивов другого); 3) реверберация (взаимодействие опыта своего с опытом другого); 4) метаморфоза (уход от субъективной позиции к объективной в ходе ситуации общения). Для успешной реализации эвфемии чрезвычайно важно получить наиболее полное представление о социальных факторах, влияющих на представление Другого о мире (профессия, место проживания, возраст, социальное происхождение), правильно интерпретировать тональность ситуации общения (непосредственные участники и свидетели, место, где она протекает и т.п.), а также учесть принадлежность участников к определенной языковой культуре, их взаимоотношения, позиции в ситуации общения, владение языком коммуникации и т.п. Вышеуказанные критерии непосредственно влияют на языковую картину мира субъекта, а также на специфику развертывания возможной предикационной цепи в контексте индивидуальной картины мира. Некоторые исследователи (О.С. Цыдендамбаева) говорят о существовании т.н. «эвфемистической картины мира». Ее рассматривают как часть языковой картины мира индивида, и отмечают, что она может дать более развернутую информацию о структуре концепта, объеме его значения, помочь выявлению структур, участвующих в создании картины мира, которая находит отражение в его психике, духовной и предметной деятельности⁴. Наличие «эвфемистической картины мира» позволяет индивиду не только составлять сценарий возможных событий, но и предвидеть его успешность/неуспешность, что, при выборе правильной речевой и поведенческой стратегии обеспечивает коммуникативное преимущество. Эвфемия является способом сохранить

⁴ Цыдендамбаева О.С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «человек» (на материале бурятского, русского, английского, немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 178 с.

коммуникативный комфорт говорящего, поэтому понятийные средства выражения постоянно соотносятся с образными, где основным механизмом осмысления выступает метафора как универсальный «продукт трансляции ментальных репрезентаций» [7], с помощью которого языковое сознание опредмечивает абстрактные сущности. Признавая метафорический способ репрезентации эвфемии базовым, мы определяем эвфемия как неотъемлемый компонент метафорического сознания.

Третий аспект касается *речеведческих особенностей эвфемии*, которую понимают как: 1) речевой акт, «содержанием которого является сознательное смягчение речи, осуществляемое в целях вежливого, тактичного общения» [13]; 2) «косвенную коммуникативную стратегию мелиоративной направленности»⁵; 3) прием «речевого маневрирования с целью ухода от коммуникативных рисков» [14], нацеленный, в первую очередь, на достижение желаемого результата коммуникации, для получения которого участники коммуникации стремятся повысить эффективность своего речевого поведения. Для этого они формируют представление о зонах коммуникативного риска и причинах коммуникативных неудач, подбирают альтернативные речевые действия, осуществляют выбор оптимальных вариантов вербальных и невербальных реакций и т.п. Реализация эвфемии происходит при одинаково значимом участии как адресанта, который строит свое речевое поведение так, чтобы добиться готовности адресата к неконфликтному взаимодействию, так и адресата, который дает обратную связь в отношении успешности/неуспешности реализации эвфемии. Если эффект ее реализации не удовлетворяет адресанта, он предпринимает усилия, направленные на «представление контента наиболее привлекательным образом для эмотивного воздействия на реципиента и создания ощущения «сопричастности»» [15]. Эвфемия реализуется тогда, когда преодолевается «защитный барьер» в сознании и подсознании собеседника, и он проявляет готовность к коммуникативному сотрудничеству.

Подчеркнем, что все вышеуказанные аспекты объединяет наличие эмоциональной доминанты (стремление улучшить, смягчить информацию), что позволяет отнести эвфемия к «многовекторным психофизиологическим проявлениям социального взаимодействия» [16]. Эвфемия – это, прежде всего, процесс реализации межличностных контактов, в ходе которых удовлетворяются коммуникативные потребности индивидов.

Речевое воздействие представляет собой сложный психолингвистический процесс, это «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые могут предполагать индуцирование определенных действий со стороны собеседника, изменение его отношения к тому или иному объекту, перестройку его мировоззрения, изменение его эмоционального либо психофизиологического состояния»⁶. Являясь формой речевого воздействия, эвфемия реализуется при участии трех базовых компонентов речевой коммуникации – адресанта, ответственного текста (термин Е.В. Шелестюк) и реципиента. Необходимо также учитывать «экспериментальную природу» эвфемизма, определяющую его как форму существования опыта и интенций, без которых он изолированно не существует. Принимая во внимание суггестивный характер воздействия эвфемии, мы выделяем следующие ее стадии.

Первый импульс к реализации эвфемии индивид получает на внерациональном уровне, как отражение стремления к гармонизации окружающего мира. Затем наступает стадия структуризации в виде когнитивного комплекса, при этом реализуются механизмы концептуализации и категоризации, отражающие метафорическую природу эвфемии. На следующей стадии адресант формирует оптимальный эвфемистический отзыв, оформленный как вербальными, так и невербальными средствами. И на завершающей стадии должен быть получен отклик адресата,

⁵ Якушкина К.В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании: автореф. дис. ... канд. филол. Наук. СПб., 2009. 24 с.

⁶ Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис. ... д-ра филол. Наук. Челябинск, 2009. 383 с.

показывающий его готовность к коммуникативному сотрудничеству. Именно эта ответная реакция, которая констатирует либо успешность, либо неуспешность реализации эвфемии как формы речевого воздействия, делает возможным психолингвистическое обоснование эвфемии. Роль адресата и адресанта эвфемии можно представить следующим образом: адресат представляет собой цель воздействия и причину экстерииорации эвфемии; адресант «отвечает» за успешность приложения усилий для изменения психологического, ментального и даже физического состояния адресата. Важным условием является получение обратной связи от адресата, которая позволяет адресанту прогнозировать последующие события. Вышесказанное позволяет говорить о приоритетной роли адресанта, так как именно от его способности понять состояние собеседника, оценить коммуникативную ситуацию и интерпретировать свои собственные эмоции зависит эффективность реализации эвфемии и успешность коммуникации в целом. Однако, как нам представляется, не следует считать жестким противопоставление адресат-адресант, т.к. «адресант, порождающий речь в данный момент, одновременно отслеживает кинетическое поведение слушающего (жесты, направление взгляда), то есть отчасти является также и адресатом, а слушающий, выполняя кинетическое поведение, отчасти выполняет роль адресанта» [17]. Возможность выделить каждую отдельную стадию эвфемии позволяет говорить о ней как о деятельности благодаря ее динамическому характеру, темпоральным и процессуальным характеристикам.

Психолингвистический анализ эвфемии требует учитывать психолингвистические характеристики всех участников коммуникации. Вышесказанное позволяет считать эвфемию «формой явного или косвенного коммуникативного синергизма, реализуемого за счет рекурсивной функции» [16], особенностью которой является повторяющееся обращение к первому стимулу. Можно предложить следующее описание алгоритма рекурсивной функции эвфемии. «Началом» мы считаем условную точку отсчета начала взаимодействия (интеракции). «Стимул» — причина, которая способствует возникновению намерения «улучшить» информацию. Эта причина может носить физиологический, эмоциональный или психологический характер. «Эвфемизация» — непосредственные действия, предпринимаемые с целью преобразования (улучшения) информации, реализуемые как при помощи прямых приемов эвфемизации, в которых задействованы когнитивные механизмы, так и при помощи косвенных (намек, ирония, умолчание) приемов. «Вывод 1» — умозаключение, полученное в результате смены исходных суждений на новые, способные удовлетворить запрос адресата, т.е. факт реализации эвфемии (удовлетворение запроса ведет к достижению коммуникативного комфорта). «Вывод 2» — умозаключение, которое свидетельствует о том, что запрос адресанта не удовлетворен, и есть факт безуспешной попытки реализации эвфемии (прекращение намерения ведет к коммуникативному дискомфорту). «Окончание» — завершение, прекращение намерения.

В качестве наглядного примера реализации рекурсивной функции эвфемии будет приведен скрипт видео интервью, которое в программе Бориса Корчевникова «Судьба человека» дала бывшая жена Валерия Меладзе Ирина (с 01:36 мин. по 10:46 мин. — общее время звучания 9 мин. 10 сек.)⁷. Ключевым моментом данного фрагмента является обсуждение положения/состояния Ирины спустя два года после интервью, в котором она рассказала свою трагическую историю обманутой жены. Разговор строится как продолжение начатого ранее диалога, его целью является показать изменения, которые произошли в самой героине, в ее жизни, ее нынешнее восприятие ситуации. В ходе анализа данного фрагмента первостепенное внимание уделялось лингвистическим средствам реализации эвфемистического дискурса на уровне языка и текста.

Интервьюер: *«Господи, выжги мужа серной кислотой из моего сердца, потому, что, если он там останется — мне не выжить!» — молила теперь уже бывшая жена известного музыканта и*

⁷ «Судьба человека» с Борисом Корчевниковым. Эфир от 08.07.2021. Ирина Меладзе. URL: <https://smotrim.ru/video/2315422> (дата обращения 23.01.2023).

продюсера, Валерия Меладзе. Известия о том, что ее муж, с которым они прожили почти 17 лет, живет на две семьи, стало для нее полной неожиданностью и шоком. (здесь процитированы слова ведущего во вводной части интервью).

В самом начале интервьюер апеллирует к цитате из прошлого интервью, напоминая его содержание и сигнализируя о том, что данный разговор следует воспринимать как продолжение истории Ирины в целом. Это способствует установлению доверительных отношений с героиней интервью, помогает «включить» зрителей в суть предстоящей беседы и одновременно задает точку отсчета для сравнения ситуации «тогда» и «сейчас».

Интервьюер: *Я помню ту нашу встречу. Два, больше двух лет уже прошло с той нашей встречи... Вы меня тогда сразили ... и своей откровенностью и какой-то, не знаю, как точно сказать выстраданной мудростью, и я знаю, что это не только моя реакция, мы получили много откликов и отзывов. Вам же тоже начали писать?*

Установлению коммуникативного сотрудничества способствует доброжелательный тон интервьюера, его положительная оценка качеств героини интервью (мудрость, откровенность), отсылка к поддержке со стороны зрителей. Ведущий стремится избегать категоричности в оценках, даже положительных, используя неопределенное местоимение «какой-то» и отрицание «не знаю» с эвфемистическим наречием-интенсификатором «точно». Даже известные ему факты (что Ирина получила множество писем) преподносятся в виде уточняющего вопроса, содержащего частицы «же» и «тоже», формально выражающие недоверие, но фактически дающие интервьюируемой возможность отреагировать утвердительно.

Интервьюируемая: *Да. Борис, на самом деле открылась новая сторона моей жизни после нашей первой передачи ... и (выдох) ... мне много пишут, и иногда кажется — женщины в нашей стране после сорока — это просто эпидемия судеб, которую по сути прошла я (выдох). Я кому-то стараюсь помогать словом, советом, но это понятно, что совершенно невозможно помочь всем.*

Ситуация предательства, измены, развода является негативной и подвергается эвфемизации, реализуется стремление «сохранить лицо». Жизнь после развода ни для кого не может остаться прежней, но метафора «новая страница» должна наводить на мысль о том, что эту жизнь можно более или менее успешно наладить, устроить. Негативная коннотация сохраняется в метафоре «эпидемия судеб», где слово «эпидемия» подчеркивает мучительный, трагический характер подобных событий в семейной жизни. Генерализация «женщины после 40», «невозможно помочь всем» в сочетании с приемом замены личной конструкции безличной сигнализируют о серьезности проблемы распадающихся браков и о том, что крепкие семейные узы являются несомненной ценностью в нашей лингвокультуре.

Интервьюер: *Ир, а ваш супруг бывший, он как отреагировал на программу?*

Интервьюируемая: *Сначала он реагировал очень негативно, но насколько я поняла, реакция его смягчилась.*

Данная реплика формально относится к реакции мужа, но при этом содержит скрытую негативную оценку его самого, его поступка. Реплика о «смягчившейся» реакции подразумевает наличие того, кто ее улучшил и дает импульс следующему вопросу ведущего.

Интервьюер: *Вы говорили с ним? Он вам как-то не позвонил? Вы не обсуждали?*

Последующие вопросы изложены в короткой, уточняющей форме, также они являются синонимичными по содержанию и содержат повтор заключительной части (эпифора), а последний вопрос является эллиптической конструкцией. Два из трех сформулированы в виде отрицания. Очевидно, что во всех вопросах ведущий избегает напрямую называть предмет обсуждения, что в данном случае способствует большей открытости самой героини интервью.

Интервьюируемая: *Нет, мы не обсуждали ... у него была не очень (смеется) радостная ситуация и настроение в самом начале, когда он узнал, что программа выйдет, но по прошествии какого-то времени, когда она прошла ...э... я так понимаю ...э... я его не расстроила особо ничем (смеется).*

Коммуникативное сотрудничество достигнуто, и состояние коммуникативного комфорта проявляется в виде иронично-шутливого комментария героини интервью относительно реакции ее мужа на прошлое выступление. Паузы, обрывы предложений в ее речи – сигналы того, что тема все еще является достаточно болезненной и ей приходится подбирать слова, чтобы не быть слишком прямолинейной. Его ситуацию/реакцию она называет «не очень радостной», намекая на то, что он сам в этом виноват, создав почву для негативного к себе отношения. Говоря, что она «не расстроила его особо ничем», Ирина дает понять, что не стала делать достоинством широкой публики провокационные обвинения и подробности. В этой фразе содержится и скрытое противопоставление себя своему мужу, не прямое указание на него как на виновника сложившейся ситуации. Это усиливает положительное впечатление от ее благородного поведения и имплицитно свидетельствует, что такие нелицеприятные для него факты есть. Героиня интервью следует принципу, важному для данной лингвокультуры, «не выносить сор из избы», избегая прямых обличений. Поведение мужчины, не желающего брать ответственность за свои поступки, является общественно порицаемым.

Интервьюер: *А в каких вы сейчас с ним отношениях?*

Интервьюируемая: *У нас довольно ровные отношения, и у нас есть совместные дети ... и мы не то, что хотим или не хотим общаться, мы просто как родители должны как-то. Никакой там большой дружбы нет, но она и не нужна. Но так, в общем, все в пределах нормы. (смеется) Ну мы нашли свою дорогу, и это, мне кажется уже большое достижение. (утвердительно кивает) Потому, что многие пары и до этого не до....*

Реакция героини интервью дает возможность ведущему продолжить вопросы о «коммуникативно небезопасной» теме их отношений. Общение бывших супругов ограничено исключительно вопросами воспитания совместных детей, и Ирина подчеркивает это, используя наречия «довольно», «как-то», частицу «просто» и глагол «взаимодействовать», подразумевающий лишь формальное общение. Она стремится очень четко очертить границы своих новых отношений с бывшим мужем, разделить то общее, что у них осталось (дети) и их как пару. Это вербализуется в отрицании дружеских отношений («никакой дружбы нет»), в подчеркивании нормативного характера общения («в пределах нормы», «нашли свою дорогу»), а также в использовании существительных с ингерентно оценочной семантикой («дружба», «норма», «достижение»). Она делает акцент на своих усилиях по нахождению способа бесконфликтного существования и на заботе об интересах детей, создавая образ мудрой женщины и хорошей матери, противопоставляя себя и мужа тем парам, которым это сделать не удалось.

Интервьюер: *У ваших троих девочек, с ним общих детей, недавно появилась сестренка вот в нынешнем браке Валерия, да? ...ааа.... Они познакомились с ней? Эээ*

Ведущий задает вопрос об общении детей Ирины с другими детьми ее бывшего мужа, также стараясь проявить максимальную деликатность, что проявляется в уточнении («ваших с ним общих детей»), использовании утвердительной частицы «да», междометий «ааа», «эээ».

Интервьюируемая: *С сестренкой? Нет, (усмехается). С сестренкой они не знакомились, ей, как я понимаю, месяц или больше? Но они знакомы со старшим своим братом и ... насколько я знаю, у них эээ взаимно хорошее ... впечатление друг о друге. Я радуюсь этому моменту, думаю, Валера тоже.*

Можно почувствовать разную эмоциональную окраску слова «сестренка», уменьшительно-ласкательного к слову «сестра», у ведущего и героини интервью. В первом случае его использование – попытка смягчить неприятную ситуацию, что в новом браке мужа есть дети. В ответе Ирины «сестренка» произносится с иронией, отражая ее нежелание иметь и общаться с такими родственниками. Противопоставление «сестренка – старший брат», отражает более положительное отношение к ребенку от предыдущего брака и косвенно – отрицательное отношение к текущему союзу.

Интервьюер: *Я правильно понимаю, что при том, что вы так общаетесь, что речь о том, чтобы его поздравить с тем, что он в шестой раз стал отцом не шла. Или вы его поздравляли?*

Жанр подобных интервью предполагает провокационные вопросы. Таким является вопрос о том, поздравляла ли Ирина бывшего мужа с рождением новых детей, который ведущий предваряет завуалированной похвалой неконфликтному характеру их текущих отношений («вы так общаетесь»). Отличительной особенностью стиля ведущего являются следующие друг за другом вопросы с отрицанием («речь не шла») и последующим уточнением («или ... поздравляли»), оставляющие собеседнику пространство для коммуникативного маневра. Неоднократно на протяжении всего интервью последний вопрос ведущего подхватывается героиней интервью, обеспечивая возможность в начале ответной реплики опереться на предложенную формулировку, что также является приемом, обеспечивающим коммуникативное сотрудничество.

Интервьюируемая: *(вдох) нет, я не поздравляла (смеется). Наверное, это не входит в коридор наших отношений (смеется громко). Потому, что это (смеется) уже не наши совместные (руки прижимает к груди) дети с ним. Но ...э... с днями рожденьями я его поздравляю. У него живы родители, к счастью, мы иногда созваниваемся, поздравляем друг друга с праздниками, юбилеями, ну уж дальше я думаю ... ну в общем это я определила, да мне кажется это и не нужно, нет запроса изнутри ...э удобнее так. Всем.*

Смех героини интервью свидетельствует о том, что тема для нее уже не столь болезненна и, что самое главное, она для себя определила четкие правила, по которым происходит их общение (которые она метафорически называет «коридор отношений») и наличие которых и дает способность относиться к ситуации более легко и с юмором. Множественные отрицания при комментировании ее отношений с мужем («не поздравляла», «не входит», «не наши совместные дети») контрастируют с положительно окрашенной лексикой («поздравляем»), которую она использует по отношению к его родителям. Категорическое «видеть его больше не хочу» она заменяет на метафорическое «нет запроса изнутри», а свою достаточно жесткую позицию «я определила» смягчает выражением «мне кажется».

Интервьюер: *Я помню, у вас когда-то был запрос изнутри пообщаться с Альбиной, его нынешней женой. Вы рассказывали тогда про это. Она не захотела, и встреча не состоялась. С тех пор прошли годы, и до сих пор не состоялась?*

Подхват выражения, которое использует героиня интервью, а именно метафоры «запрос изнутри», в значении «желание, потребность», безусловно, способствует поддержанию коммуникативного сотрудничества и достижению коммуникативного комфорта. В продолжение разговора ведущий пытается выяснить, до какой степени Ирине удастся не только определять, но и держать границы в общении с бывшим мужем и его нынешней женой. Он делает это при помощи повтора выражения «встреча не состоялась». Отказ Альбины от встречи («она не захотела») в прошлом имплицитно содержит намек на зависимую позицию героини интервью, по крайней мере, тогда. Гиперболизированное название прошедшего промежутка времени («годы») должно наводить на мысль о том, что, в отличие от героини интервью, у ее соперницы не произошло никаких изменений в нравственной оценке происшедшего, тогда как сама Ирина проделала большую работу над собой.

Интервьюируемая: *Нет (разводит руки). Мне кажется, мы сегодня находимся на той точке, ...э... как минимум я точно нахожусь, потому, что у меня к ней никаких вопросов нет. Все это в прошлом. Нас с ней ничего не объединяет (смеется) кроме ее теперь (смеется) нынешнего мужа. Смех. И собственно говоря, я не вижу в этом никакой необходимости. Зачем, вопрос?*

Ответ Ирины начинается с утверждения некоей общей позиции («мы находимся»), которая тут же сменяется переходом к ее личной позиции («я точно нахожусь») и содержит завуалированное противопоставление себя другой женщине. Скрытое обвинение реализуется путем двойного отрицания («никаких вопросов нет», «ничего не объединяет», «не вижу никакой

необходимости»). Фактически, таким образом она еще раз подчеркивает свой полный разрыв с прошлым, что считается залогом возможности начать новую, более счастливую жизнь.

Интервьюируемая: Мне было интересно посмотреть ей в глаза, узнать, чем она живет, что думает. Потому что в моей жизни никакой истории, то, о чем говорилось, что как будто бы все идет к разводу... у меня в жизни этого не было. Поэтому мне в принципе, было интересно ... (выдыхает) посмотреть, ну наверноеам... я думаю, что эти вопросы касались бы наверное совести, ну и какого-то (покачала головой) этического коридора.

Очевидно, что эмоции Ирины по поводу измены мужа и недостойного поведения другой женщины не улеглись до конца, и она прилагает усилия, чтобы их контролировать. Так, она использует выражение «посмотреть в глаза», что фактически означает обличить лгуна и предателя, а ее интерес к тому, что «она (Альбина) думает и чем живет» скрывает возмущение тем фактом, что соперница может чувствовать себя комфортно. Повторяющееся выражение «было интересно» на самом деле скрывает ее неподдельное негодование по поводу распространения сплетен и лжи, касающихся ее плохих отношений с мужем перед разводом. Избегая напрямую давать оценку поступку Альбины, она использует слова «совесть» и «этический коридор» в сочетании со словами «наверное» и «какой-то», «в принципе», что смягчает, но не оставляет сомнений в ее крайне негативной оценке происшедшего.

По результатам наблюдения в выбранном сегменте интервью можно констатировать успешную реализацию эвфемии, которая в качестве речевой стратегии ведущего интервью получила положительный отклик у интервьюируемой, что, по нашему мнению, является главным условием эвфемии как способа речевого воздействия для достижения психологического комфорта в коммуникативном взаимодействии. И ведущий, и героиня интервью используют широкий спектр лингвистических и экстралингвистических элементов реализации эвфемии, что обусловлено спецификой темы.

Проанализировав содержание интервью, мы приходим к выводу, что для достижения коммуникативного комфорта в контексте реализации эвфемистической интенции автор прибегает к эвфемизации на разных уровнях.

Лингвистические средства реализации эвфемистического дискурса на уровне **языка** (эвфемизмы) в анализируемом материале представлены единицами лексико-семантического и синтаксического уровней.

Лексико-семантический уровень:

Генерализация – «вся наша страна», «женщины в нашей стране после сорока», «помочь всем».

Метафоризация – «эпидемия судеб», «в пределах нормы», «нашли свою дорогу», «коридор отношений», «запрос изнутри», «находиться на той точке», «этический коридор».

Метонимизация – «посмотреть в глаза».

Преуменьшение (литота) – «не очень радостная», «не расстроила особо ничем», «никаких вопросов нет», «ничего не объединяет», «не вижу в этом никакой необходимости», «никакой истории», «у меня в жизни этого не было».

Инверсия – «я его не расстроила особо ничем», «Никакой там большой дружбы нет», «с днями рождениями я его поздравляю», «у меня к ней никаких вопросов нет».

Синтаксический уровень:

Эллипсис – «Вы не обсуждали..?», «Нет, мы не обсуждали ...», «Потому, что многие пары и до этого не до...», «ну уж дальше я думаю ...».

Реализация эвфемистического дискурса на уровне **текста** (эвфемитивы) в анализируемом материале осуществлялась на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях.

Лексико-семантический уровень:

Наречия (интенсификаторы, используются для усиления оценки) – «очень», «особо», «довольно», «как-то», собственно-оценочные наречия – «негативно».

Прилагательные – «новая», «бывший», «негативный», «нынешний», «хороший», «большая» (дружба, достижение), «ровный», «радостная».

Глаголы – глаголы отношений с положительной и отрицательной коннотацией – «помогать», «смягчиться», «расстроить», «взаимодействовать», «радоваться», «поздравить», «объединять».

Частицы – «просто», «так» (переносят как положительные, так и отрицательные аксиологические качества на обсуждаемый персонаж / ситуацию).

Междометия – «так», «ну».

Существительные с ингерентно оценочной семантикой – «мудрость», «дружба», «достижение», «норма», «развод», «совесть», «откровенность».

Синтаксический уровень:

Повтор (параллельные конструкции) – простые лексические повторы («сильно», «довольно») множество эпифор, подхват.

Градация – обратная (нисходящая) градация: «...вся наша страна, женщины в нашей стране после сорока...».

Как видно из проведенного выше анализа, эвфемизм представляет собой результат цепочки преобразований структурного и/или семантического плана (в основе которых лежит процесс метафоризации или метонимизации как базовых когнитивных механизмов) не только на лингвистическом уровне, но и на уровне текста. Вектор преобразований исследуемого явления задается коммуникативной ситуацией, где с одной стороны исследуемый феномен опирается на структуру национального языка, а при необходимости выходит и на уровень текста, детерминируя свою интенцию структурными и лексико-семантическими компонентами текста.

При анализе успешности/неуспешности реализации эвфемии принимаются во внимание также и единицы фонологического (фоносемантическое наполнение речи), просодического (артикуляция, интонация, тембр речи, паузы), кинесического (мимика, позы, жесты) уровней, что представляет собой экстралингвистический уровень реализации эвфемии, который происходит за счет наличия дополнительных (профессиональных, исторических, литературных) и уникальных (содержащих информацию о внутреннем опыте другого человека) знаний.

Заключение

Психолингвистический потенциал феномена эвфемия как субъективно впечатления, формирует сложный ментальный стереотип, который обладает статусом суперпозиции, как совокупности всех состояний, в которых может одновременно находиться и реализовываться исследуемый объект.

Удерживая в себе многообразие потенциальных возможностей, когда все значения координат возможны, эвфемия может быть овнешнена за счет разномодальных -экстра, -пара и – интралингвистических элементов. Выбор между элементами, равно как и модальностями не имеет заранее заданной траектории, он проявляется только при развертывании коммуникативной стратегии автора, необходимой для создания той самой картины, которая присуща текущему моменту и соответствует задумке автора. Стремясь экстраполировать свое впечатление (эвфемию), автор прибегает к поликодовому синтезу коммуникативных систем, так, каждый последующий ответ собеседника способен стать точкой бифуркации нового вектора развития эвфемистического текста и изменить модальность его овнешнения, при этом сохраняя первоначальную задачу манипулятивного воздействия автора. Кодирование интенции в контексте эвфемии происходит семиотически разнородными средствами, где вербальные и невербальные (визуальные, паралингвистические и т.д.) средства являет собой функциональное, смысловое и содержательное единство. Комплиментарность кодов этого единства является неравноправной, и реализовывается по принципу аддитивности с доминирующей, а иногда и замещающей, активностью одного из компонентов. Поликодовость выражения эвфемии обусловлена

ситуацией общения, коммуникативным замыслом автора, предметом дискуссии и служит задачам эффективного общения.

Психолингвистические аспекты изучения эвфемии позволяют рассматривать ее как живой и многомерный феномен, включающий в себя вербальные, невербальные, образные, силенциальные и фонические компоненты, выступающие маркерами эвфемии в устной речи и создающие условия для ее реализации ее приоритетности в акте коммуникации. Выбор способа реализации эвфемии осуществляется в рамках коммуникативного синергизма, в условиях которого говорящий учитывает все компоненты, факторы и характеристики, обеспечивающие «улучшение» исходной информации. Изучение вербальных форм и экстралингвистических вариантов эвфемии должно проводиться с точки зрения единства таких составляющих как понятие, образ и оценка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Баскова Ю.С.** Манипуляция в языке СМИ: Эвфемизмы как «слова-прикрытия». Краснодар: КСЭИ, 2009. 182 с.
2. **Бойко Б.Л.** Эвфемизмы и дисфемизмы как способы преодоления табу на материале художественных и мемуарных текстов о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 36. С. 19–27.
3. **Реформатский А.А.** Введение в языковедение. М., 1996. 536 с.
4. **Порохницкая Л.В.** Концептуальные модели в семантике эвфемизма. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 167 с.
5. **Зубкова О.С.** Медицинская метафора и медицинская метафора-термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 140–145.
6. **Крюкова Н.Ф.** Текстовая форма как средство интерпретации: герменевтическая диалектика понимания // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 32. С. 32–41.
7. **Зубкова О.С.** Метафора в профессиональной семиотике. Курск, 2011. 334 с.
8. **Логвина С.А.** Психический и психологический аспекты эвфемии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 53–59.
9. **Liberman A.M., Mattingly I.G.** The motor theory of speech perception revised // Cognition. 1985. Vol. 21. Pp. 1–36.
10. **Rizzolatti G., Arbib M.A.** Language within our grasp // Trends neuro-sci. 1998. Vol. 21. No. 5. Pp. 188–194.
11. **Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V.** Neurophysiological mechanisms underlying the understanding and imitation of action // Nat. Rev. Neurosci. 2001. Vol. 2. Pp. 661–670.
12. **Зайцева Ю.С.** Зеркальные клетки и социальная когниция в норме и при шизофрении // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. № 2. С. 96–105.
13. **Ковшова М.Л.** Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь. М.: Гнозис, 2007. 318 с.
14. **Кирова А.В.** Эвфемия как проявление стратегии речевого маневрирования в методике преподавания русского языка как иностранного // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 4. С. 155–163. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.4.14
15. **Зубкова О.С.** Аксиологический аспект кодификации образных систем метафорических значений в дискурсе сказки // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). С. 95–101.
16. **Зубкова О.С., Логвина С.А.** Актуальные тенденции и закономерности развития эвфемии. Курский гос. ун-т. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. 206 с.
17. **Кибрик А.А.** Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 2. С. 79–90.

REFERENCES

- [1] **Baskova Yu.S.** Manipulyatsiya v yazyke SMI: Evfemizmy kak «slova-prikrytiya» [Manipulation in the language of the media: Euphemisms as “cover words”]. Krasnodar: KSEI, 2009.
- [2] **Boyko B.L.** Euphemisms and Dysphemisms as Ways to Overcome Taboos (A Case Study of Literary Texts and Memoirs about the Great Patriotic War of 1941-1945), *Voprosy psikholingvistiki*, 36 (2018) 19–27.
- [3] **Reformatskiy A.A.** Vvedeniye v yazykovedeniye [Introduction to Linguistics]. M., 1996.
- [4] **Porokhnitskaya L.V.** Kontseptualnyye modeli v semantike evfemizma [Conceptual models in the semantics of euphemism]. M.: FGBOU VO MGLU, 2018.
- [5] **Zubkova O.S.** Meditsinskaya metafora i meditsinskaya metafora-termin v individualnom leksikone (eksperimentalnoye issledovaniye) [Medical metaphor and medical metaphor-a term in an individual lexicon (experimental study)], *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 1 (2010) 140–145.
- [6] **Kryukova N.F.** Textual form as a means of interpretation: hermeneutical dialectics of understanding, *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 32 (2015) 32–41.
- [7] **Zubkova O.S.** Metafora v professionalnoy semiotike [Metaphor in professional semiotics]. Kursk, 2011.
- [8] **Logvina S.A.** Psychic and psychological aspects of euphemisms, *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 7 (1) (22) (2017) 53–59.
- [9] **Lieberman A.M., Mattingly I.G.** The motor theory of speech perception revised, *Cognition*, 21 (1985) 1–36.
- [10] **Rizzolatti G., Arbib M.A.** Language within our grasp, *Trends neuro-sci*, 21 (5) (1998) 188–194.
- [11] **Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V.** Neurophysiological mechanisms underlying the understanding and imitation of action, *Nat. Rev. Neurosci*, 2 (2001) 661–670.
- [12] **Zaytseva Yu.S.** Mirror neurons and social cognition in norm and in schizophrenia, *Sotsialnaya i klinicheskaya psixhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 23 (2) (2013) 96–105.
- [13] **Kovshova M.L.** Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkiy tematicheskiy slovar [Semantics and pragmatics of euphemisms. A short thematic dictionary]. M.: Gnozis, 2007.
- [14] **Kirova A.V.** Euphemia as a phenomenon of speech maneuvering strategy in teaching Russian as a foreign language, *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 4 (2019) 155–163. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.4.14
- [15] **Zubkova O.S.** Aksiologicheskiy aspekt kodifikatsii obraznykh sistem metaforicheskikh znacheniy v diskurse skazki [Axiological aspect of codification of figurative systems of metaphorical meanings in the discourse of fairy tales], *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language theory and intercultural communication], 1 (40) (2021) 95–101.
- [16] **Zubkova O.S., Logvina S.A.** Aktualnyye tendentsii i zakonomernosti razvitiya evfemii [Current trends and patterns of euphemia development]. Kursk State University. Kursk: Publishing house of CJSC “University Book”, 2022.
- [17] **Kibrik A.A.** Russian multichannel discourse. Part II. A corpus development and avenues of research, *Psychological Journal*, 39 (2) (2018) 79–90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Логвина Светлана Андреевна

Svetlana A. Logvina

E-mail: svet.logvina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4086-9707>

Зубкова Ольга Станиславовна

Olga S. Zubkova

E-mail: olgaz4@rambrer.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3900-321X>

Поступила: 26.06.2023; Одобрена: 10.11.2023; Принята: 13.11.2023.

Submitted: 26.06.2023; Approved: 10.11.2023; Accepted: 13.11.2023.